

андрей урицкий

СТЕАРИН

продолжение

Андрей Урицкий

Стеарин. Продолжение.
Разные тексты

«Э.РА»

1996-2002

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Урицкий А.

Стеарин. Продолжение. Разные тексты / А. Урицкий — «Э.РА»,
1996-2002

ISBN 978-5-99062-226-5

В книге представлены тексты 1996–2002 гг.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-99062-226-5

© Урицкий А., 1996-2002
© Э.РА, 1996-2002

Содержание

Волнение	6
Остановка в пути	7
Знаки	8
Случайная пьеса	10
Пьеса №	11
Кухонный пантеон	12
Трое	13
Групповой портрет в интерьере	14
Уходящие поезда	15
Домашние неприятности	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Урицкий

Стеарин. Продолжение. Разные тексты.

©. А. Урицкий 2017.

* * *

цель

цели

цель

Кончился XX век

Кончился XX век

Кончился XX век

Кончился XX век

1996 – 1997

Волнение

Занавес поднимается. Появляется Гервасий.

Гервасий. Парле ву франсэ? (*уходит*)

Сафрон (*выбегает, взволнованно*). Я видел ее, боже мой, я видел ее, неужели я видел именно ее!? Я не верю себе, не верю, боже мой, боже! (*убегает*)

Появляется Гервасий.

Гервасий. Парле ву франсэ? (*уходит*)

Сафрон (*выбегает, взволнованно*). И все-таки я видел ее, она была там, и я видел ее, а она была там, именно она, и я видел ее, боже мой, боже мой, неужели! (*убегает*)

Появляется Гервасий.

Гервасий. Парле ву франсэ? (*уходит*)

Сафрон (*выбегает, взволнованно*). Скоро, скоро я увижу ее, боже мой, она будет там, и я увижу ее, мне не верится, но я увижу ее, именно ее, как же так, боже! (*убегает*)

Появляется Гервасий.

Гервасий. Парле ву франсэ? (*уходит*)

Занавес опускается.

Жило-было это самое жило-было, текло по жилам, проживало, переживало, волновалось и всех пережило, передавило, пережевало и выплюнуло – такое вот оно было сознательное, чувствительное, такое маленькое как последовательность из восьми букв, где две совпадают, и остается четыре, связанных выстрелом дефиса, неразрывных до самой смерти внутри алфавита, но слово “вита” улетает пернатым беглецом сквозь частокол знаков препинания, запинания и прений в прерии гудящих ассонансов, аллитераций и внебрачных подкидышей с разрушенными внутренними связями.

Остановка в пути

Шел секельдявый, заглянул в окошко и дальше пошел – пальтецо изношенное, прореха на прорехе, кепочка набекрень, ботинки всмятку, на лице щетина трехдневная, на лбу ссадина, под глазами мешки, а глаза прозрачны до белизны, выцветшие, пустые – не человек – паутинка в углу – дунет ветер, и улетит, зацепится за веточку, упадет, поднимется и дальше пойдет, ногами шаркая. Шебуршатся в голове мысли разные, одна на другую не похожа, а все об одном – где бы, да как бы, да подешевле чтоб. Вот остановился, задумался, повернулся, в другую сторону пошел, ветерком подгоняемый в спину, побежал почти, поскользнулся, упал. Сел на землю и заплакал. Тетка мимо прошмыгивала, пожалела, денежку кинула и дальше сверкнула, за ней другая, и третья туда же. А он и не плачет уже, бормочет “Христа ради” под нос, а рука сама крестится, – то ли слева направо, то ли справа налево, не знает как. Посидел с полчаса, денежки собрал, вскочил, затрусил по дорожке вдоль деревьев, скамеек и статуй. На площадь выбрался, к ларьку подпрыгнул, деньги в бойницу сунул, получил бутыль и закандыбал в сторону, улыбаясь и хихикая. В одном из двориков плюхнулся на травку, зубами пробку сорвал, присосался и забулькал, задвигал кадыком острым вверх вниз. Хорошо ему, да так, что и не замечает, солнце ли, дождь ли, зима-лето, так бы и провел всю жизнь сидючи на травке – но глотнул еще разик, набок накренился, прилег и захмыкал, засопел, а бутылка в сторону откатилась.

Знаки

Ну что, ну что, ну в самом деле, ну что, что, ну... попробуем написать о дефисе, о маленькой черточке,

иногда напоминающей черенок яблока, иногда – автобус, едущий от конечной станции до конечной, а в автобусе мы с Володей, и Володя прячет в кармане руку с обручальным кольцом, потому что всей грудью, плечами, бедрами надвигается на нас, и Володя, посторонившись, пропуская ее, говорит что-то, и она весело отвечает, они встречались раньше где-то, когда-то, мельком, и она выходит из автобуса, а Володя смотрит сверху вниз на обтянутые узкой темной юбкой тугие ягодицы и говорит, что вот бы да, а автобус дергается, отъезжает и, набирая скорость, трясется по маршруту от конечной до конечной, подбирая пассажиров и постреливая во все стороны камнями из-под колес, а мы с Володей стоим и беседуем неторопливо, запертые внутри дефиса, узники синтаксиса, невольники пунктуации, рабы грамматики, з/к орфографии, пустые оболочки, просто черточки на бумаге.

Ну, ты знаешь, ну, да, да, ну, конечно, ну, это самое...

голая женская нога, полусогнутая, приспущенный чулок, гармошкой собравшийся чуть выше щиколотки; голая женская нога, гладкая матовая кожа, медленно вверх продвигающаяся жилистая рука, крепкие пальцы в крапинах волос; плавное шевеление, словно вздрагивающие волны; полусогнутая нога, напоминающая запятую, разделяющую однородные члены предложения; запятые, как черви, заползающие под кожу, покрытую зеленой до невероятности травой; медленные ласковые пальцы, сжимающие карандаш; карандаш, рисующий женскую ногу, полусогнутую, на зеленом травяном фоне, покрытом запятыми, покрытом трещинами, сквозь которые вползают черви, юркие, как запятые; полусогнутая женская нога, приходящая в наши сны, и, через запятую, легкие слезы пробуждения, непонятные, простые.

Итак, и так, так, так, именно так, так, да, так...

мы стояли около вокзала, и Вова громко смеялся, прямо сказать, хохотал, ржал во всю глотку и взвизгивал даже, а я пил из горла, а тут мент подошел и спросил, ну ты чего заливаешься, а Вова его послал сквозь смех, и это он зря, потому что мент дубинкой своей долбанул Вову, и Вова попятился и еще хихикнул, как заведенный, а мент двинул его дубинкой второй раз и толкнул вдобавок, и Вова упал, а дубинка твердая и прямая, как восклицательный знак, а Вова воскликнул, поскользнувшись и упав, ну ты что, козел, а мент размахивал дубинкой уже вовсю, вошел в раж, а я убежал, зная, что дубинка твердая, как восклицательный знак, как вставший, а Галя обиделась и сказала, что если не можешь так, то давай пальцем, а он пьяно икнул и выматерился, интонационно поставив в конце восклицательный знак, как символ собственного мужского достоинства.

О чем это? А? Ну, я не знаю, право слово, не знаю, да... Владимир Алексеевич сидел на скамейке, сгорбившись, как вопросительный знак; он угрюмо смотрел себе под ноги, не замечая, казалось, ничего вокруг; серое набухшее небо то и дело роняло несколько капель, обещая рассыпаться унылым бесконечным осенним дождем; прохожие торопились пересечь открытое пространство и укрыться в магазинах, подъездах, троллейбусах, но Владимир Антонович неподвижно сидел, сгорбившись, как вопросительный знак; холодный ветер шевелил остаток листвы на деревьях, и буро-коричневые листья падали на землю, и по шуршавшему ковру бегали взъерошенные дети в разноцветных куртках, и прохожие оглядывались на громкие крики и улыбались чему-то своему, каким-то своим воспоминаниям, а Владимир Андреевич сидел, сгорбившись, как вопросительный знак, не обращая внимания на шум и беготню у себя за спиной, а солнце, выглянув из-за тучи, на мгновение пригрело трех голубей, склевы-

вавших крошки около скамейки, на которой сидел Владимир Александрович, сгорбившись, как вопросительный знак.

И – раз, и еще раз, далее – как получится, так или иначе, вообще-то и...

быстро взглянув, проходит мимо; глаза, как двоеточие, упавшее набок, прямая линия носа и нежная линия губ, в овал лица вписанные слова; и всё же она проходит мимо, быстро взглянув, вздрогнув, и уходит, как сквозь двоеточие, и идет между стволами деревьев; лесная тропинка пересекает просеку, извивается, мощные корни выпирают из земли, образуя петли и полукруги, а она проходит, быстро взглянув из-под изогнутых бровей, и удаляется; в небе остается двоеточие проплывающих облаков, в траве – запах земляники, а она – в чешуе отблесков, в панцире света, в броне воздуха, в лучах солнца проходит между стволами деревьев, быстро взглянув, и ее следы, как упавшее двоеточие, сквозь которое видны грозовые лиловые тучи, светлеющие по краям.

Вот и все, пожалуй, тем не менее, так уж получилось, все-таки...

в последних строках моего письма позвольте Вам напомнить, что нельзя забывать о точке, которая располагается на ладони, там, где сходятся указательный и средний пальцы, именно туда попала пуля, когда я вскинул духовое ружье, а Вова поднял руки, закрывая лицо, а я нажал на спусковой крючок и выстрелил, а Инга что-то кричала, прижимая к груди какие-то тряпки, а потом я ударил его прикладом наотмашь, и он упал, а Инга продолжала кричать, когда я стащил ее с кровати на пол и начал бить ногами, стараясь попасть по животу, и мелкие точки покрывали ее большие груди, мелкие точки сливались в одну, и точка заслоняла свет и надвигалась, надвигалась, и вот теперь я пишу Вам в последний раз, простите, тетенька, подлеца, пора поставить точку, жизнь завершилась, завтра уезжаю, не скажу, куда, в некую географическую точку, не ищите меня, Арнольд – и он с усилием нажал на бумагу, и чернила образовали огромную кляксу, изображавшую конец пути, символическую черную точку.

Случайная пьеса

Занавес поднимается.

*На сцену выходит **Пырск**.*

Пырск. Пырск! Пырск? Пырск?! Пырск!! Пырск...

***Пырск** уходит.*

Занавес опускается. Зрители в зале терпеливо сидят, ожидая продолжения спектакля.

Пьеса №

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Занавес опускается.

Занавес поднимается.

Зрители, недоумевая, сидят в зале.

Занавес опускается.

Кухонный пантеон

Живущие: между плитой и мойкой, за спиной холодильника, в щелях паркета, там, где обои отходят от стены, где уютная пыль образует постель, и капли чая упали дождем, о! это они, мои домашние враги и друзья, жертвы мои, нет ваших могил, и никто не уронит слезу на гробовой камень.

Мышь.

Прошуршала – и нет. Шмыгнула – и пропала. При свете дня – только тенью бегущей, ночью царица и госпожа, знающая, где и что, без испуга гуляющая вдоль стен, – но и ты, лакомка, попалась: на запах сыра влекущий пошла, сверху ножом гильотины скоба рухнула стальная, сломала шейные позвонки, и ты осталась лежать серой шкуркой с застывшими бусинами глаз. Не спасли тебя проворство и храбрость, осиротели твои сыновья и дочери; что теперь твои со временем пашни? Жизнь просочилась песком и влагой. Тело твое удобрило землю. Смерть – и амба.

Муха.

Жужжалица-жизнелюбка, летуха и щекоталка, ни секунды в покое, витала, как хотела, зимой засыпала, летом веселилась, тянулась к теплу, к сладкому липла, и увязла лапками всеми, и навеки в сон погрузилась, в омут забвенья, с шустрými товарками в надзвездном раю ест вишневое варенье.

Оса.

Одетая в балахон полосатый присела на стекло, перепутала, где свет, где тьма, билась в прозрачное. Захотелось мясца, полетела, столкнулась с огромным, безрассудно, отважная, ринулась в бой, маленькая валькирия, желтая амазонка, так погибают бойцы аллаха – с криком на губах, с блестящими глазами, – и ждут их гурии, с нектаром кубки и потомков вечная благодарность.

Комар.

Дуэлянт с повадками вампира! Ты всю ночь не давал уснуть и над ухом моим бесконечную песню тянул! Ускользал ты от рук моих, ускользал и опять за свое! Лишь под утро, когда задремал я, и напился ты крови моей, я очнулся от зуда и боли в ладони, свет зажег и увидел тебя на стене почерневшим и влагою темной налитым – я прихлопнул тебя, и осталось пятно лишь одно, и нет у меня ни слова, ни звука, и добрые чувства мои уснули вместе со мной.

Таракан.

Самый! Говорят, что самый живучий. Капля воды, молекула хлеба – и довольно ему. Даже ест проводов разноцветную изоляцию, мерзавец. Многоног, бегаёт и молчит. Шевелит колючими усами в память о старом поэте. Что еще надо ему? Счастлив тем, что вокруг. Но и его нашла рука судьбы – только хрустнул под тряпку грязной. И не такой оказался грозный.

Все они ушли туда, где тишина, покой и молчание; всех их унес рок величавый. Но я знаю, что мы еще встретимся с ними на берегах многоводной реки, в заливных лугах и тенистых рощах. Дело в сроках. Придет и наш.

Трое

По улице узкой, в бок накренившейся, среди ручьев, луж и трещин, перепрыгивая и матерясь, трое шлендрали после дождя, встрепанные, как воробьи: Витя из Витебска, Петя из Петербурга, Мося из Москвы. Круглолицые манекены пялились за стеклами витрин, корявые ветви деревьев вздрагивали и роняли капли, возбужденные праздничные негры прыгали у забора и громко кричали. Петя заглянул за угол и присвистнул, шмыгнул и затаился; Витя и Мося за ним поспешили, шушукаясь и шебарша. Через несколько протяжных минут заурчало, зачихало, зашкрябало: выехала черная, вытянувшаяся вдоль, непонятно чужая и задергалась, набирая скорость метр за метром, втягивая в себя влажный густой воздух. В окне виднелась Витина харя; Петя в окружность руля вцепился намертво; Мося маялся на мягком. Понеслись вперед вытянутой струной, взвизгивая на поворотах, вздымая брызги веером, и долго смотрела им вслед старушка седая с авоськой в руках, вытирая платочком лицо и беззвучно в грохоте шамкая губами. А они, вышвырнувшись на проспект, наращивали мощные обороты. Петя подпевал, Витя взвизгивал, Мося молчал. Шуровали весело, разгонялись и проскакивали, метались из стороны в сторону зигзагами молний. Было поздно, когда заметили сзади мигавшие огни и услышали вой, вибрировавший дико. Свернули, сверкнули, запетляли заячьей повадкой, вычерчивая неровные стежки, словно пьяный портной, но напрасно – шерочка к машерочке, судьба к судьбе, пуля в мишень, а они к столбу с фонарной загогулиной наверху: чебурахнулись, чертыхнулись, треснули и затихли: Витя с виноватым видом, Петя с перебитым пальцем, Мося с мордой всмятку. Так их и взяли в двойной капкан, и погрузили, и увезли.

Групповой портрет в интерьере

Старый фотоснимок, по краям тронутый желтым. На снимке комната, залитая солнечным светом, настенный пестрый ковер, бахромой спадающий на спинку дивана; слева от дивана черное пианино, справа полированный шкаф, в утробе которого скрываются светлые летние платья, брюки, галстуки, пиджаки, строгие костюмы, шерстяные кофточки, хлопчатобумажные носки, безразмерные колготки, штопанные чулки, накрахмаленное хрустящее белье, синее махровое полотенце и куча разноцветного тряпья; напротив дивана стоит круглый стол с графином посередине, около стола три стула с вычурно гнутыми ножками, два стула плотно задвинуты, а третий повернут сидением к телевизору, стоящему на тумбочке между двумя высокими окнами; на телевизоре фарфоровая бело-коричневая статуэтка, охотничья собака с длинной вытянутой мордой; если всмотреться, то можно заметить, что хвост у собаки аккуратно приклеен; стол находится в центре комнаты, за ним – книжный шкаф, застекленный, на стеклах блики и не видно, что внутри; у четвертой стены большая двуспальная кровать, покрытая темно-красным пледом; потолки высокие; квадратный половичок рядом с кроватью; на окнах прозрачные кружевные занавески. Людей в комнате нет, но абсолютно ясно, что они только что вышли: люди, у которых глухота, люди, у которых слепота, люди, у которых хромота, люди, у которых немота, люди, у которых высота, люди, у которых мерзлота, люди, у которых сволота, люди, у которых нагота, люди, у которых правота, люди, у которых срамота, люди, у которых лысота, люди, у которых тупота, люди, у которых мелкота, люди, у которых пустота, люди, у которых маята, люди, у которых мешкота, люди, у которых красота, люди, у которых три куста, люди, у которых есть места, люди, у которых нет кота, люди, у которых спит верста, люди, у которых ждут до ста, люди, у которых паруса, уса, борода, волоса, уши, нос, глаза, лоб, щеки, шея, плечи, руки, ноги, локти, колени, пальцы, ногти и прочие части тела.

Уходящие поезда

Шел легкий снег, и было видно, как поезда отходят от перрона, мигая красными зрачками в темноте. Шел легкий снег, и здание вокзала тяжелой каменной медузой распласталось на площади. Шел легкий снег, и Савелий спрыгнул с подножки автобуса. Чужой город встречал его равнодушной тянущей пустотой. Силуэты домов светились тусклыми пятнами окон. Ночь обволакивала холодом и молчаньем. Под ногами всхлипывала бурая невнятная масса. Савелий вошел в зал ожидания, где на коричневых скамейках мерзли одинокие люди, спокойно ожидая. Подойдя к кассе, Савелий наклонился и спросил, а есть ли билет до Внешнего. “Плацкартный”, – буркнула кассирша. Заплатив рубли, он спрятал в бумажник кусочек плотного картона и отправился в станционный буфет, где съел яйцо под серым майонезом и выпил бледно-желтый напиток; на стене висел плакат: “Когда вы пьете чай стаканчик добром вы вспомните меня я друг ваш русский самоварчик всегда готов служить вам я”, но чай был чуть теплый и невкусный. Потом Савелий проверил расписание, оставалось часов шесть, и он присоединился к сидевшим в зале ожидания неизвестно чего, а ночь морозом оковала стекла, и ветер шепотом скитался по дороге, и легкий снег заштопывал все дыры. Савелий сел на деревянную скамейку, попробовал уснуть, но холод, кусая пальцы, проползал змеею. Савелий встал и подошел к окну. На улице взвивалось и свистело. Савелий коленками прижался к батарее, что находилась под мраморным унылым подоконником, затем повернулся и опустил на корточки, согревая спину и ягодицы, вернулся на скамейку и задремал, когда продрог – проснулся, но к батарее другой какой-то бедолага придвинул чемодан, и скособочившись на нем, угрелся. Савелий принялся ходить по залу, подпрыгивая и приседая. Так ночь прошла и сдвинулась, и утро протиснулось сквозь щели облаков. Савелий вышел на перрон. Пустынно, тихо, только вдалеке позвякивали в небе провода ненужных электричек, и, длинный, как печаль, промчался товарняк; Савелий сосчитать хотел вагоны, но сбился. Томительное время проплывало, но вот и стрелки встали, как мечталось, и поезд застучал и появился. Савелий нетерпеливо притаптывал на месте, предвкушая, как он войдет, и ляжет, и в тепле уснет на верхней полке, но поезд вдоль перрона проскочил, прочь унося и окна с занавесками, и тех счастливых, которые за ними восседали, и пили, пели, уезжая в края нездешние, туда, где хорошо, нас оставляя оторопелых, с разинутыми удивленно ртами: а вы куда, а как же мы, а как же? Ничего не понимая, Савелий кинулся внутрь. Вокзал был мрачен и безлюден. Под сводчатым высоким потолком качался металлический круг люстры. На одной из стен видны были остатки фрески – какой-то человек в плаще лиловом и всадники. Под ногами хрустела каменная крошка, и при каждом шаге взлетали пыль и снег, свободно падавший сквозь темные проломы в крыше. Савелий подбежал к кассе. Закрыто. Забарабанил решительно в окошко администратора, оттуда высунулось заспанное женское лицо, сказала, что вот уже пять лет, как поезда проходят мимо, и нечего шуметь, и прекратите хулиганить, а то позову милицию, Вася, Вася, иди сюда, тут хулиган пьяный. Савелий выбежал на улицу. Шел легкий снег, и ранние прохожие неспешно подходили к остановке и ждали сумрачно и зябко, когда придет автобус.

Домашние неприятности

Когда Степан Иванович выдвинул ящик письменного стола, то от неожиданности чуть со стула не свалился: в ящике, среди бумаг и карандашей, сидела буква. Никогда не было у Степана Ивановича в квартире никакой обычной мерзости – ни тараканов, ни муравьев, даже мух, даже комаров, изводивших летними ночами всех его сослуживцев и знакомых, – не было, и вот на тебе, буква завелась. Сидит и не убегает, только лупится бусинками глаз. Степан Иванович медленно протянул руку. Буква доверчиво вскарабкалась к нему на ладонь – маленькая, мохнатенькая, гладкая, с длинными сиреневыми усами и тремя кривыми ножками. Степан Иванович осторожно погладил букву по спине. Буква зажмурилась и ласково лизнула его большой палец. Отпустив букву обратно в ящик, Степан Иванович встал и пошел на кухню. На кухне жена Катя гремела посудой; с шумом хлестала из крана вода. Степан Иванович взял лежавшее на тарелке яблоко и откусил. “Там у меня эта, проговорил Степан Иванович, тщательно пережевывая, – буква такая, ну, маленькая”. – “Чего?” – жена Катя гроыхнула жестяной крышкой кастрюли. “Буква, говорю”, – Степан Иванович проглотил пережеванную яблочную массу. – “Булка?” – Да нет, буква”. – Какая букса?” – “Буква, понимаешь? Бук-ва!” – “Какая еще бурка?” – жена Катя повернулась к раковине спиной и пристально посмотрела на Степана Ивановича. “Бу-к-ва!” – Степан Иванович произнес громко и внятно, старательно артикулируя каждый звук. – “Да выкинь ты эту чурку и не мучайся”. – “Тьфу ты!” – Степан Иванович выбежал из кухни, с лязгом захлопнув дверь. Немного успокоившись и подумав, он позвонил знакомому писателю, обоснованно решив, что уж писатели о буквах знают всё: откуда они приходят, как себя ведут и чем их кормят. Степан Иванович вдруг понял, что всю жизнь мечтал иметь ручную букву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.